

УДК 81:1
DOI 10.17223/19986645/35/10

И.А. Якоба

ВЛАСТЬ ДИСКУРСА МЕДИЙНОГО ПРОСТРАНСТВА В БОРЬБЕ ЗА НОМИНАЦИЮ

Целью данной статьи является показать потенциал власти дискурса в борьбе за номинацию, т.е. возможность смещать, заменять одни смыслы на другие, устанавливать новые смыслы, способствующие изменению картины мира адресата и управлению его сознанием, достижению часто корыстных целей. Приведены результаты прикладного лингвосоциологического исследования когнитивных механизмов и языковых средств в борьбе за номинацию в медийном дискурсе в интернет-среде. Исследование проводилось в русле критического дискурс-анализа. Выявлено преобладание использования дискурсивных стратегий и языковых средств, способствующих аксиологическому конструированию действительности для осуществления социальной власти в современном обществе. Материалом для исследования послужили открытые данные русскоязычных социальных сетей по политико-экономическим проблемам Украины.

Ключевые слова: борьба за номинацию, интерпретация, вербализация власти, конструирование дискурса, сила воздействия, Украина, Крым, демотиваторы.

Злоупотребление властью может проявить себя в языке только там, где есть возможность изменений или выбора, например, назвать человека «террористом» или «борцом за свободу» в зависимости от позиции или идеологии говорящего.

Тён ван Дейк

Возможность использовать различные и даже противоположные номинации (см. эпиграф) для обозначения одного и того же явления приводит к тому, что коннотации оказываются полярными, а приведенные имена отличаются в соответствующих контекстах ярко выраженной аксиологичностью. Борьба за номинации оказывается борьбой за фундаментальные групповые ценности [1]. Необходимо обратить внимание на то, что оценки при этом отличаются ярко выраженной полярностью, строятся на бинарных оппозициях, исключаящих какую-либо градуальность: добро – зло, враг – друг, черное – белое и др. Такая стратегия позиционирования «мы – хорошие, они – плохие» находит яркое выражение в противостоянии в борьбе за власть в современном социуме. Борьба за номинации выступает частью лингвокогнитивной технологии умной настройки дискурса на мировой арене, где основная борьба происходит за умы людей, за контроль над сознанием.

Власть дискурса можно считать одной из востребованных эпистем современного лингвистического знания. В проблемном плане данная эпистема рассматривается в различных аспектах в работах М. Фуко, Т. ван Дейка, Н. Лумана и других исследователей. По словам Т. ван Дейка, «власть связана с контролем, а контроль над дискурсом означает особый доступ к его производству и, стало быть, к его содержанию, стилю и, в конце концов, общественному сознанию» [1. С. 15], т.е. борьба за сознание человека выдвигается как одна из острейших про-

блем современности. Другими словами, власть осуществляется посредством дискурса и через дискурс, а правильно подобранные слова доносят идею до адресата, передают вложенный смысл и оказывают воздействие на его сознание и могут побуждать к необходимым действиям.

Целью данной статьи является показать потенциал власти дискурса в борьбе за номинацию, т.е. возможность смещать, заменять одни смыслы на другие, устанавливать новые смыслы, способствующие изменению картины мира адресата и управлению его сознанием, достижению часто корыстных целей. Эта актуальная дискурсивная технология обладает семиотической привлекательностью и когнитивной мощью, направлена на конструирование нужного результата и нейтрализацию параллельных, невыгодных заказчику возможностей развития социального мира. Необходимо отметить, что в данной статье представлена лишь часть исследования, проводимого автором, иные аспекты власти дискурса, разработанные в теории умной настройки дискурса, отражаются в других публикациях автора (например в [2–5]).

События последних лет на Украине ознаменовали собой начало нового этапа информационной войны против России с использованием *мягкой, жесткой и умной сил* как внутри страны, так и заинтересованными участниками и сторонними наблюдателями. Информационно-психологическое противоборство сегодня является основным инструментом завоевания и сохранения власти (политической, экономической, духовной). Противоположная интерпретация политических событий на Украине (2014 г.) западными и российскими СМИ – яркий пример борьбы за номинацию в медийном пространстве, которая обладает выраженной аттрактивностью и задействует комплекс всех силовых механизмов.

Начавшаяся когнитивная информационная прозападная «акция» призывавшая к «евроинтеграции», не ограничилась только мягкосиловым оружием (убеждения в необходимости сближения с Европой и отдаления от России, идеологические призывы и мифологические лозунги типа «Слава Украине», «За великую и сильную Украину», затрагивающие глубинные слои сознания и вовлекающие сильные эмоции), а также применением экономических санкций по отношению к России, но задействовала всю жесткость силовых механизмов. Это послужило дополнительным стимулом для более детального и глубокого анализа дискурсивных структур и стратегий, применяемых и распространяемых западными СМИ, представителями власти Украины, США и Евросоюза для освещения усугубляющейся напряженной обстановки в рассматриваемом регионе.

Автор придерживается позиции Т. ван Дейка, основоположника критического дискурсивного анализа, по мнению которого, исследования в области критического дискурсивного анализа не являются нейтральными, а разделяют интересы подчиненных социальных групп [6. С. 23]. Такой ракурс исследования позволяет изучать социальные проблемы не только для описания, объяснения, но и для прогнозирования, конструирования и моделирования ситуаций, требующих не просто объективного научного анализа, но и защиты интересов тех, против кого направлены современные дискурсы подавления.

Конструируются, как правило, противоположные реальности, разные картины мира. Ноам Хомский называет такое явление новым использованием

языка, когда слова начинают обозначать противоположное их смыслу (как развитие новояза в романе Дж. Оруэлла «1984»). Данное понятие он связывает с концепцией двойного мышления, существующей в любом обществе, в любых языках, концепцией двойных стандартов, когда в сознании существуют две противоположные концепции. Для того чтобы их примирить, люди смещают смысл слов [7].

Исследование когнитивных механизмов мышления, в том числе концепции двойного мышления, актуально в современном информационном обществе среди когнитологов и других исследователей, занимающихся изучением мозга, с целью расширения интеллектуального, когнитивного потенциала человека и усиления коммуникационных возможностей человека. Востребован анализ культа конформизма в западных СМИ, где отчетливо проявляется «жертвование критическим мышлением ради дешевого восторга от причастности к мифической битве между хорошим и плохим, к новой холодной войне <...> Журналистика соучастия, при которой западные обозреватели встают на сторону «хороших», на их взгляд, участников конфликта, не терпит нюансов; вся сложность ситуации неизменно отбрасывается; неудобные факты, противоречащие сценарию, отбрасываются в сторону, зато слухи и поддельные документы, которые подкрепляют сценарий, радостно подхватываются и попадают на первые страницы» [8].

В связи с вышеизложенным считаем, что критический анализ дискурса актуален и востребован в среде мыслящих людей и может быть полезен для интерпретации и валоризации современных социальных проблем. В критических исследованиях дискурса обычно используются следующие виды анализа: грамматический (фонологический, синтаксический, лексический, семантический), прагматический, риторический, стилистический, анализ специфики жанровых структур, конверсационный, семиотический для подробного изучения структур и стратегий дискурса. Фокус внимания располагается на таких характеристиках дискурса, как визуальные и аудиальные особенности (цвет, шрифт, свойства изображения, музыка), специальная интонация, грамматические и синтаксические структуры (например, выбор активного или пассивного залога), выбор лексики, семантики пресуппозиций или личные описания, риторические фигуры или аргументативные структуры, а также выбор определенных речевых актов, вежливых речевых оборотов, стратегий убеждения и пр. [1. С. 20–23].

В предлагаемой работе проводится анализ вербальных, визуальных характеристик конфликтного дискурса в аспекте номинации. К средствам креолизации вербальных текстов относятся изобразительные компоненты, соседствующие с вербальными и оказывающие существенное влияние на интерпретацию текста, а также все технические моменты оформления текста, влияющие на его смысл. Среди них следует назвать: шрифт, цвет, фон текста (цветной или иллюстрированный), средства орфографии, пунктуации и словообразования, иконические печатные символы (пиктограммы, идеограммы и т.п.), графическое оформление вербального текста (в виде фигуры, в столбик и т.п.), кернинг, интерлиньяж. В статье представлены репрезентативные примеры демотиваторов, которые, по мнению автора, наиболее ярко отражают смену позиции Украины по отношению к России и русскоговорящему насе-

лению на Украине. Материалом исследования послужили ленты русскоязычных социальных сетей Одноклассники и ВКонтакте, материалы сайта Демотиваторы, картинки в поисковой системе Гугл по запросу Россия – Украина и др. В ходе исследования было проанализировано более 400 политиконационалистических демотивационных постеров по теме конфликта между Украиной и Россией, что позволяет сделать определенные выводы, представленные ниже. Согласно методу В. Парето при объеме генеральной совокупности более 10 000 единиц или когда общее число неизвестно, но более 5000, валидность исследования достигается при выборке в 400 единиц. При этом допустимая ошибка достигает не более 5%. Руководствуясь данными положениями, для иллюстрации гипотезы исследования было отобрано 6 репрезентативных примеров демотивационных постеров из 400 проанализированных, которые представлены в данной статье и отражают борьбу дискурса за номинацию и конструирование реальности, выгодной заказчику.

Демотиватор (демотивационный постер) рассматривается как интернет-мем, один из актуальных интернет-феноменов, отличительной особенностью которого является формат подачи информации и тематическое наполнение. Формат демотивационного постера включает графический объект, снабженный надписью-слоганом/лозунгом. Помимо слогана или лозунга многие демотивационные постеры содержат текст-пояснение, выполненный мелким шрифтом, так или иначе оттеняющий смысловое наполнение изображения. Слоган рассматривается как генерация лаконичной, но емкой фразы, которая в полной мере отражает идею или суть всей деятельности компании или продвигаемого товара. Лозунг понимается как краткое, сжатое выражение, отражающее политические, идеологические принципы, выдвигаемые некой политической силой в качестве основы её деятельности в некий период. Такие отточенные фразы обладают аттрактивностью, персуазивностью, как правило, экспрессивно-стилистически окрашены, образны, индивидуальны. Выбор политического националистического демотиватора обусловлен его аттрактивностью и быстротой распространения данного жанра дискурса в социальных сетях в связи с обострением отношений между Украиной и Россией, легкостью его запоминания, мягкой силой воздействия на адресата. Полагаем, что распространение таких лозунгов способствует конструированию и эскалации ситуации конфликта, воздействует на целевого адресата так, чтобы сместить направление его интерпретации событий.

Аспекты идеи *умной настройки дискурса*: реализация возможности смещать, заменять одни смыслы на другие, устанавливать новые смыслы, способствующие изменению картины мира адресата и управлению его сознанием, отражаются в других исследованиях. Например, Т.В. Чернышова вводит *категорию псевдосоциальной деструктивной оценочности*» [9], когда вектор авторского описания смещается с самого факта-события на малозначительные детали, его сопровождающие, а внимание читателей концентрируется на отрицательных сторонах личности и деятельности субъекта речи через систему эмоционально-оценочных вербальных и невербальных средств в основном инвективной направленности. Л.А. Воронова говорит о *множественности интерпретаций* в конфликтном дискурсе. Дискурс конфликта содержит концентрированное выражение манипулятивных средств и приемов, что

обычно проявляется в информационных войнах как словесно-смысловое противостояние, сопровождающееся диффамацией как неадекватной порочащей информацией, а это всегда множество интерпретаций, в том числе прямо противоположных, способствующих рассогласованию взаимодействия через умножение негативных оценок и переход на личности [10]. Ю.К. Пирогова вводит интегрирующий термин *давление дискурса*, под которым понимает «совокупное действие разнообразных факторов дискурса, определяющих различие между гипотетическим сообщением, соответствующим исходным (основным) коммуникативным целям адресанта сообщения, и реальным сообщением/сообщениями, способным успешно выполнять воздействующую функцию в данном дискурсе» [11. С. 218]. Н.Б. Руженцева создает своеобразную «инвентаризацию» компонентов возможной модели давления политического дискурса на его конечный результат (текст с тем или иным воздействующим эффектом) на примере публикаций, посвященных украинским событиям 2013–2014 гг. [12. С. 120].

Согласимся с Л. Филлипс, М.В. Йоргенсен, что в пространстве конфликтного дискурса в полной мере действует *категория изменчивого знака*. «Изменчивый знак указывает, что один дискурс преуспел в фиксации его значения и что другие дискурсы борются, чтобы завоевать эту фиксацию» [13. С. 240]. Предлагая свой взгляд на то или иное положение вещей, адресант стремится представить его в такой форме и с помощью таких средств и приемов, которые способствуют солидаризации с адресатом через общие речемыслительные процессы. Планируемый адресантом перлокутивный эффект по большей части связывается с психологическими характеристиками адресата, его языковым сознанием, следствием чего является активизация со стороны адресанта когнитивно-лингвальных действий диалогического характера [14]. Пытаясь понять дискурс, интерпретатор хотя бы на миг переселяется в чужой мысленный мир. Опытный автор, особенно политик, предваряет такое речевое внушение подготовительной обработкой чужого сознания с тем, чтобы новое отношение к предмету гармонизировало с устоявшимися представлениями – осознанными или неосознанными. Расплывчатая семантика языка способствует гибкому внедрению в чужое сознание: новый взгляд модифицируется (это своеобразная мимикрия) под влиянием системы устоявшихся мнений интерпретатора, а заодно и меняет эту систему [15].

Таким образом, акцентируем внимание на деконструкции борьбы за номинации в медийном дискурсе посредством выявления лингвокогнитивных механизмов воздействия. Надеемся, что обозначение такой деконструкции позволит нейтрализовать социальный вред воздействия манипулятивных дискурсивных технологий и скрытой пропаганды.

Выявлены следующие лингвокогнитивные механизмы: *фреймирование* (как способ представления знаний и мнений об определенной типовой ситуации или явлении в определенных координатах в структуре определенного фрейма) и *рефреймирование ситуации* (как намеренное соскальзывание с одного фрейма на другой), *активация конверсиров* (слов, описывающих одну и ту же ситуацию с разных точек зрения), *фасцинация* (условия повышения эффективности воспринимаемого материала благодаря использованию сопутствующих фонов), *мобилизация* (употребляется с целью изменения суще-

ствующего положения дел, когда события представляются в драматическом виде, а положение рисуется как ужасное, требующее решительных действий), *демонизация, позиционирование «свои – чужие»* и др.

Рассмотрим демотивационные постеры 1–3 антироссийской направленности, отражающие и распространяющие крайне негативную позицию по отношению к России на фоне гордости за достижения Украины. Данные демотиваторы в виде креолизованных мини-текстов дают как вербальную информацию, так и визуальную. Особый выбор цветовой палитры неявно усиливает отрицательное отношение к России (преобладание черного цвета). Крупный шрифт, смещение текста по центру и заглавные буквы выделяют наиболее значимые фрагменты (по задумке авторов), акцентируют внимание на ключевых идеях. Просматриваемый сценарий принижения достоинств одной стороны противопоставляется увеличением (необоснованным логически) авторитета другой, что вербально выражается концентрацией языковых и композиционных прагматически фокусированных единиц. Усиливающееся противостояние коммуникативных антропоцентров (Украина и Россия) основано на оппозиции «свои – враги», эмоциональная обстановка искусственно нагнетается извне при помощи построения фреймов неприязни и обиды (такая пресуппозиция подразумевается в фоновой информации). Посредством выявления содержательно однородных текстов с ярко выраженной отрицательной оценочностью и обладающих персуазивным потенциалом, прослеживается интенция референта блокирования рационального восприятия ситуации адресата, «захвата» ключевых понятий, «протаскивания» нужных ему смыслов. Следовательно, наблюдаются признаки борьбы за номинацию как часть борьбы за власть посредством дискурса.

Демотиваторы 1, 2

Демотиватор 1 делает акцент на агрессивности и воинственности России по сравнению с Украиной, которая живет «22 года без войн», тогда как Россия участвовала в 4 войнах (использование ложной пресуппозиции) (1992 г. – Приднестровье, 1994–1996 гг. – Чечня, 1999–2009 гг. – Чечня, 2008 г. – Южная Осетия и Абхазия). При этом не уточняется: 1) какие именно 22 года; 2) с какого конкретно года и по какой год; 3) по чьей инициативе Россия была вынуждена проводить военные операции. Любые факты умело подгоняются в

рамки заданного сценария конфликта, в котором Россия обвиняется в агрессивности по отношению к соседним республикам и государствам (демотиватор 2). Фреймирование ситуации происходит в навязывании мнения, согласно которому Россия является агрессором и источником всех бед для Украины (это следует из импликаций общей совокупности выборки единиц анализа). Выявлено использование стратегии демонизации и перекладывания ответственности за украинские проблемы на Россию (на основе не вошедших в статью проанализированных примеров демотивационных постеров и фоновых знаний). Данные выводы подтверждаются большим количеством демотиваторов, делающих акцент на агрессивности при характеристике России.

Демотиватор 3

Демотиватор 3 построен в категоричной форме «Если ты хочешь жить в России, собери вещи и уезжай туда!». Использование директива говорит о навязывании своей позиции остальным участникам конфликта, инферирует значимость украинской политической силы и право управлять остальными гражданами страны. Небуквальное значение, не содержащееся непосредственно в предложении, но выводимое из него, выявляет импликацию неприязни по отношению к России, представляемой как исключительного инициатора разделения территории Украины. Анализ изображения – перечеркнутая красной чертой карта украинской территории с выделенными российскими флагом и гербом регионами со значительным числом русскоязычного населения – позволяет утверждать, что картинка дублирует текст-пояснение, выражает призыв к изменению места проживания тех, кто не согласен с проводимой политикой государства. Графическое изображение усиливает националистический лозунг и подчеркивает негативное отношение к возможному разделению Украины.

Демотиватор 4

Демотиватор 4 навязывает ассоциацию уважения к старшим, акцентируя внимание на том, что украинские города старше российских (данное выражение выделено ярким малиновым цветом), смещая смысл правоты на ценность старшинства. Сдвиг смысла имеет целью сместить фокус восприятия и поменять точку зрения на какое-либо событие, в данном случае логическая импликация выводит значение ложной позиции России и правоты украинской политики с целью поднять авторитет одной страны за счет принижения, высмеивания или оскорбления другой. Экспрессив «*Россияне, учите ИСТОРИЮ!*», в котором последнее слово специально выделено заглавными буквами, подразумевает пресуппозицию мудрости украинского народа и отсутствие такого качества у русского народа. Дальнейший текст прямо объясняет, кто «старший», а кто «неразумное дитя», «сошедшее с ума» и заканчивается прямой угрозой «**ОПОМНИТЕСЬ, ЛЮДИ ИЛИ ВОЗМЕЗДИЕ НАСТИГНЕТ ВАС**». Данное предложение снова выделено заглавными буквами с целью привлечения внимания и лучшего запоминания последнего предложения, несущего ключевой смысл. Используемая стратегия создания фантомной угрозы рассчитана на эмоциональное восприятие. Иррациональность текста мифологизируется отсылкой к «возмездию» по аналогии с религиозным возмездием грешникам за их грехи, что дополнительно интенсифицирует угрозу, заложенную в высказывание. Сравнительная конструкция «*вы как сумасшедшие со старой гранатой с выдернутой чекой*» содержит сильный негативный оценочный компонент семантики, несет большую степень экспрессивности и апеллирует к эмоциональному мышлению, придает высказыванию образность и выразительность, что позволяет добиться более глубокого воздействия на адресата. Использование слов с экспрессивной и оценочной коннотацией (например, «*сумасшедшие*») позволяет оказывать воздействие на мнение адресата. Подбирая слова с негативной эмоциональной окраской, создатели таких лозунгов пытаются сме-

стить прежний образ «хорошего соседа» и создать новый негативный образ «агрессора», навязывая иную картину мира и новые номинации, соответствующие позиции крайнего национализма.

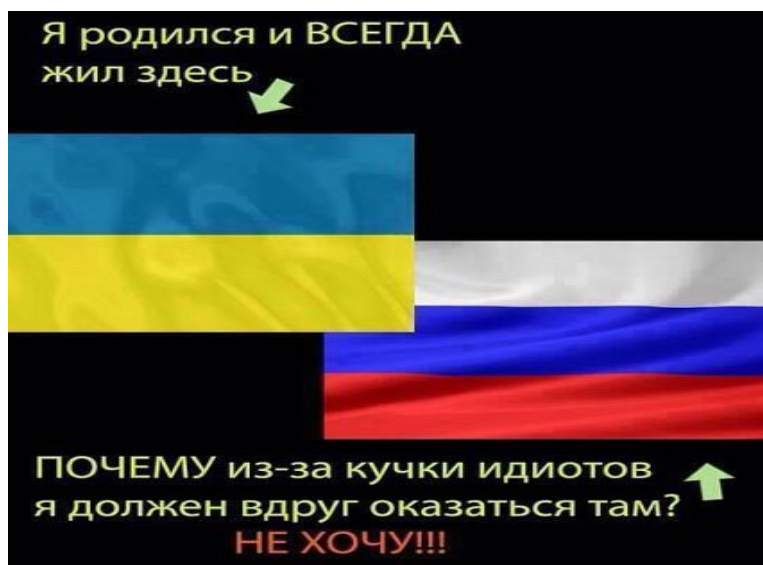
В демотивационных постерах 5, 6 отражено негативное отношение к желанию некоторых юго-восточных регионов Украины стать суверенными независимыми государствами и отсоединиться от прежнего центра по культурным, политическим, экономическим и т.п. причинам. Лозунги представляют собой заявления, основанные на оппозиции двух фреймов, двух видений мира, противоположных позиций. Одна часть «присоединение (оккупация, аннексия) Крыма к России» – это фрейминг, основанный на негативной интерпретации события: конструируется мнение об активно воздействующей принудительной силе России. Вторая часть «воссоединение Крыма с Россией» – фрейминг, основанный на положительной интерпретации ситуации: событие понимается и оценивается без принуждения через идею восстановления единства.

Демотиватор 5

Демотиватор 5 основан на силе воздействия двух экскламативов, подчеркивающих верность целостной стране с прежними границами, причем текст расположен по центру украинского флага и выделен заглавными буквами с целью привлечения внимания и увеличения значимости высказывания. Обе конструкции заканчиваются восклицательными знаками, а вторая даже тремя: «Я СТАВЛЮ КЛАСС И ПОДТВЕРЖДАЮ, ЧТО ЯВЛЯЮСЬ СТОРОННИКОМ ЕДИНОЙ УКРАИНЫ! Я ВЫРАЖАЮ СВОЙ ПРОТЕСТ ПРОТИВ ОККУПАЦИИ И АННЕКСИИ КРЫМА РОССИЕЙ!!!» Принимая во внимание экстралингвистические факторы, окружающие данное историческое событие, расшифровывается смысл неприятия результата политического процесса, закономерно получившего негативную оценку Запада и официальной власти на Украине, которые высказались категорически против такого действия, не признав его легитимным. В социальных сетях стали активно распространяться националистические демотиваторы, содержащие многочисленные вер-

бальные и креолизованные выпады против самоидентификации Крыма. Употребление лексических единиц с отрицательной коннотацией «оккупация» и «аннексия» способствует интенсификации персуазивности высказывания, позволяет ввести в текст эти понятия как данность, без рационального логического объяснения, направляет поток мыслей в заданном направлении. Экскламативность и личная дейктичность высказывания способствуют прямой адресации к каждому персонально, что создает иллюзию объективности и повышает статус сообщения, представив позицию авторов демотиваторов как мнение большинства, которое по определению право. Следовательно, происходит навязывание готового решения (механизм умной силы) – быть с большинством, другие варианты даже не рассматриваются. Такой прием навязывания пресуппозиции используется для подчинения адресата заданным рамкам, позволяет представить нужный смысл как правильный и естественный.

Демотиватор 6

Демотиватор 6 подчеркивает негативное отношение к самоопределению Крыма, используя средство речевой агрессии – оскорбление («кучка идиотов»). Акцентуация флагов как способ номинации страны (метонимический перенос части на целое, синекдоха) является приемом, позволяющим косвенно упомянуть объект, не называя его. «Я родился и всегда жил ЗДЕСЬ. ПОЧЕМУ из-за кучки идиотов я должен оказаться там? НЕ ХОЧУ!» Выделение отдельных лексических единиц большим размером и другим цветом влияет на определение ключевых слов. Адресат читает данный лозунг от первого лица как собственные мысли. Использование дейктических элементов – личного «Я» и локативного «здесь» – является дополнительным персуазивным средством, позволяет внедрить адресату идею о нежелательности перемен.

На текущем этапе исследования рассматриваемой проблемы было выявлено использование разнообразных персуазивных средств, интенционально

нацеленных на смещение смыслов, конструирование псевдоинтерпретаций событий, фреймирование ситуации нагнетания раздора между двумя братскими соседними странами. Стратегии демонизации образа врага и приближения угрозы, создание оппозиции «свои – враги», активизация фрейма национальной войны, способствуют экспликации конфликта.

По мнению автора, целью таких дискурсивных технологий конструирования субъективных негативно валоризованных интерпретаций и даже медиасобытий является создание у адресатов иной картины мира, противоположной российской, получение контроля над сознанием населения, доминирование в языке и коммуникации, навязывание определенной лингвистической номинации под воздействием эмоциональной псевдосоциальной деструктивной оценочности [9. С. 102]. Следовательно, требуется выработка специальных дискурсивных «антитехнологий» для распространения объективной правдивой интерпретации медиасобытий, деконструкции псевдоинтерпретаций, нейтрализации дискурса конфликта, снижения эмоционального накала, предотвращения дальнейших провокаций и пролонгации конфликта. Изучение воздействующего потенциала дискурса в целом и разработка теории умной настройки дискурса в частности способствуют осознанию и пониманию тех сил воздействия и лингвокогнитивных механизмов, которые власть использует в борьбе за общественное сознание.

Необходимость узнавать и противостоять лингвистическому манипулятивному воздействию основана на расширяющейся власти дискурса в медийном пространстве. Критически мыслящим индивидам важно иметь возможность получать достоверную информацию, чтобы самостоятельно оценивать ситуацию в мире и выражать свою гражданскую позицию. Изучение социальных проблем в ракурсе дискурсивного злоупотребления властью посредством медийного пространства, поиск выхода из кризисной ситуации и моделирование оптимального решения, согласно Т. ван Дейку, должно стать центром пристального внимания исследователей гуманитарного профиля.

Рассмотренные примеры не отражают в полной мере цели и результаты исследования автора, а являются иллюстративным материалом для пояснения аспекта проблемы власти дискурса в борьбе за номинацию. Некоторые данные введены пресуппозитивно, так как обоснованы в предыдущих работах автора и не являются целью данной работы. Исследование власти дискурса и сил, его регулирующих, находится в стадии разработки, поэтому нуждается в уточнении и дальнейшей апробации на более разнообразном эмпирическом материале. Заявленные выводы отражают субъективное мнение автора.

Литература

1. Тён А. ван Дейк. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
2. Якоба И.А., Дубровина А.С. Использование «умной настройки» Твиттером при проведении ИПО (ИРО) // Вестн. БГТУ им. Шухова. 2014. № 3. С. 232–239.
3. Якоба И.А., Лесниковская Е.В. Власть дискурса при интерпретации событий-аттракторов медийного пространства // Вестн. Иркут. гос. техн. ун-та, 2014. № 10. С. 352–359.
4. Якоба И.А. «Мягкая сила» в современной политике и дискурсивной технологии // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 65–73.
5. Якоба И.А., Тимофеев С.С. К. Маркс как эффективный дискурсолог XX века: лингвокогнитивные механизмы «умной» настройки дискурса // Вестн. БГТУ им. Шухова. 2015. № 1.

6. Сорокин Ю.А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия // Политический дискурс в России. М.: Наука: Флинта, 2007. 618 с.
7. Идеи, изменившие мир: Интервью с Н. Хомским [Электронный ресурс]. URL: http://www.vesti.ru/only_video.html?vid=522870 (дата обращения: 14.05.14).
8. О'Нил Б. Двойные стандарты Запада пали еще ниже [Электронный ресурс]. <http://oko-planet.ru/politik/politiklist/242009-dvoynye-standarty-zapada-pali-esche-nizhe-spiked-velikobritaniya.html> (дата обращения: 07.05.2014).
9. Чернышова Т.В. Введение в заблуждение: прием создания выразительности или уловка? (на материале конфликтных и потенциально конфликтных медиатекстов) // Юрислингвистика. 2012. № 1 (12). С. 94–105.
10. Воронова Л.А. Фрейм-анализ как метод гендерных исследований СМИ // Журналистика в 2008 году. Общественная повестка дня и коммуникативные практики СМИ: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 9–11 февраля 2009. М., 2009. С. 327–330.
11. Пирогова Ю.К. Феномен давления дискурса в текстах маркетинговых коммуникаций // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке. М.: Академ. проект, 2011. С. 218–225.
12. Руженцева Н.Б. Массмедийный политический дискурс: давление контекста и давление контента в свете украинских событий // Имплицитные и эксплицитные стратегии в восточноевропейском политическом дискурсе: материалы российской секции междунар. конф. «Ain't misbehavin'»? Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse / под ред. А.П. Чудинова, Э.В. Будаева; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», Цюрихский университет. Екатеринбург, 2014. 198 с.
13. Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ: Теория и метод / [пер. с англ.]. Харьков: Гуманит. центр, 2004. 336 с.
14. Синельникова Л.Н. Коммуникативное пространство адресант-адресатных отношений в современном публицистическом дискурсе // Вісн. Луган. нац. ун-ту ім. Тараса Шевченка. 2008. № 17 (156). С. 10–25.
15. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие / отв. ред. М.Н. Володина. М., 2003. С. 116–133.

DISCOURSE POWER OF MEDIA SPACE IN THE STRUGGLE FOR NOMINATION.

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 3(35), pp. 122–134.

DOI 10.17223/19986645/35/10

Yakoba Irina A., Irkutsk State Technical University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: irina_yakoba@mail.ru

Keywords: fight for nomination, interpretation, power verbalization, discourse construction, force of impact.

The aim of this article is to show the potential of discourse power in the struggle for the nomination, i.e. ability to shift, replace meanings, establish new meanings able to change the world view of the recipient, manage to control their consciousness, achieve selfish goals. The results of applied linguistic research in cognitive mechanisms and linguistic means in the struggle for nomination in the media discourse in the Internet environment are given. The study was conducted with the critical discourse analysis means. The predominance of the use of linguistic means of promoting axiological reality construction for the implementation of social power in modern society is revealed. The material for the study is based on networks public data of social political and economic problems in Ukraine. The struggle for nomination is a widespread linguo-cognitive technology of soft power impact in global world, where the main struggle is for human minds, control over consciousness. Latest events in Ukraine marked the beginning of a new stage of infowar against Russia with the means of “soft”, “hard” and “smart” powers. Info-psychological confrontation is the main instrument of winning and maintaining the political, economic, religious power. This topical discourse technology possesses semiotic attractiveness and cognitive power; it is directed to construct necessary result and neutralize parallel unprofitable opportunities of social world development for the customer. As a rule, two different realities, two different pictures of the world are constructed. Noam Chomsky calls it a new language usage, when words get opposite ideas. The study of cognitive mechanism of thinking, including the double thinking conception, is topical and claimed in modern informational society among cognitologists and other scientists studying brain, human intellectual cognitive potential development, intensification communicative human abilities. The category of a changeable sign is operated in a conflict discourse. The necessity to recognize and withstand the linguistic manipulative impact is based on the

expanding power of discourse in the media space. The study of social problems from the perspective of discursive abuse of power by the media space, finding a way out of the crisis and modeling the optimal solution, according to T. van Dijk, should be the center of attention of researchers in humanities.

References

1. Dijk Teun A. van. *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representation of dominance in language and communication]. Translated from English. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM" Publ., 2013. 344 p.
2. Yakoba I.A., Dubrovina A.S. How Twitter uses "smart tuning" when carrying out IPO (initial public offering). *Vestnik BGTU im. Shukhova – Bulletin of BSTU named after V.G. Shukhov*, 2014, no. 3, pp. 232–239. (In Russian).
3. Yakoba I.A., Lesnikovskaya E.V. Discourse power in media space events-attractors interpretation. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Irkutsk State Technical University*, 2014, no. 10, p. 352–359. (In Russian).
4. Yakoba I.A. "Soft power" in contemporary politics and discourse technologies. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 2014, no. 12, pp. 65–73. (In Russian).
5. Yakoba I.A., Timofeev S.S. K. Marx as an effective discourse analyst of XX century: linguo-cognitive mechanisms of smart discourse tuning. *Vestnik BGTU im. Shukhova – Bulletin of BSTU named after V.G. Shukhov*, 2015, no. 1, pp. 270–274. (In Russian).
6. Sorokin Yu.A. *Politicheskii diskurs: popytka istolkovaniya ponyatiya* [Political discourse: an attempt to interpret the concept]. In: *Politicheskii diskurs v Rossii* [Political discourse in Russia]. Moscow: Nauka Publ.: Flinta Publ., 2007. 618 p.
7. Idei, izmenivshie mir. Interv'yu s N. Khomskim [Ideas that changed the world. Interview with N. Chomsky]. Available from: http://www.vesti.ru/only_video.html?vid=522870. (Accessed 14.05.14).
8. O' O'Neill B. *Dvoynye standarty Zapada pali eshche nizhe* [Western double standards hit a new low]. Available from: <http://oko-planet.ru/politik/politiklist/242009-dvoynye-standarty-zapada-pali-eshe-nizhe-spiked-velikobritaniya.html>. (Accessed 07.05.2014).
9. Chernyshova T.V. Misrepresentation: a tool of trick or expressiveness? (on the basis of conflict or potential conflict of media texts). *Yurilingvistika*, 2012, no. 1 (12), pp. 94–105 (In Russian).
10. Voronova L.A. [Frame analysis as a method of gender media studies]. "*Zhurnalistika v 2008 godu. Obshchestvennaya povestka dnya i kommunikativnye praktiki SMI*": materialy Vserossiyskoy nauch.-prakt. konf. ["Journalism in 2008. Public Agenda and Communication Media Practices": Proc. of All-Russian Scientific and Practical Conference]. Moscow: Moscow State University Publ., 2009, pp. 327–330. (In Russian).
11. Pirogova Yu.K. *Fenomen davleniya diskursa v tekstakh marketingovykh kommunikatsiy* [The phenomenon of pressure discourse in the texts of marketing communications]. In: Volodina M.N. (ed.) *Yazyk i diskurs sredstv massovoy informatsii v XXI veke* [Language and discourse of the media in the 21 century]. Moscow: Akademicheskiiy proekt Publ., 2011, pp. 218–225 (In Russian).
12. Ruzhentseva N.B. [Political discourse of the mass media: the pressure of the context and content in the light of the Ukrainian events]. *Implitsitnye i eksplitsitnye strategii v vostochnoevropeyskom politicheskom diskurse: materialy rossiyskoy sekti mezhdunarodnoy konferentsii "Ain't misbehavin'? Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse"* [Implicit and explicit strategy in the Eastern European political discourse: the materials of the Russian section of the international conference "Ain't misbehavin'? Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse"]. Ekaterinburg, 2014, pp. 119–131.
13. Phillips L., Jorgensen M. *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse analysis. Theory and Method]. Translated from English. Kharkov: Gumanitarnyy Tsentr Publ., 2004. 336 p.
14. Sinel'nikova L.N. Kommunikativnoe prostranstvo adresant-adresatnykh otnosheniy v sovremennom publitsisticheskom diskurse [Communicative space of the sender-receiver relations in modern journalistic discourse]. *Visnik Lugans'kogo natsional'nogo universitetu imeni T. Shevchenko*, 2008, no. 17 (156), pp. 10–25.
15. Dem'yankov V.Z. *Interpretatsiya politicheskogo diskursa v SMI* [The interpretation of political discourse in the media]. In: Volodina M.N. (ed.) *Yazyk SMI kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya* [Language of the media as an object of interdisciplinary research]. Moscow: Moscow State University Publ., 2003, pp. 116–133.